

*Любовь
Попова*

ЗАЩИТНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

о соседстве

18+

Любовь Попова

Защитник по соседству

<https://litres.ru/74161418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы сбежать от мужа садиста я придумала совершенно безумный план. Использовать одного из охранников. Мне удалось скрыться и начать новую жизнь, с новым именем. Но кто же знал, что тот самый обаятельный охранник станет моим соседом по лестничной площадке. И кто же знал, что именно тогда найдет меня муж. Теперь только сосед может меня защитить. И совершенно точно знаю, что он потребует взамен.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Анжелика	15
Глава 2. Илий	21
Глава 3.	25
Глава 4. Анжелика	31
Глава 5.	36
Глава 6. Илий	40
Глава 7	44
Глава 8. Анжелика	49
Глава 9.	55
Глава 10.	61
Глава 11.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Защитник по соседству

Пролог

— Ты видел её рот? Представляю, как сладко она может...

— Заткнись, ты не в стриптиз пришел, — шикаю на коллегу Мишу, который обычно и охраняет такие богатые сборища.

Я сегодня напросился тоже, потому что уже осточертело высиживать в нашем с зятем клубе экстрима. Особенно тошно смотреть на счастливые семейные пары. Тошно, да И без военной службы тошно. Но матери я обещал больше не соваться в горячие точки за рубежом, а на питерской сходке воров в законе сегодня должна быть жара.

Ну, кстати, Миха прав. Рот у дочери питерского «Аль Капоне» что надо. Как, впрочем, и грудь, да и фигура не подкачала. Задница — чистый «орех»: круглая, на вид очень упругая. Такую периодически прихватывает ладонью ее муж — Беляев. То ли на упругость проверяет, то ли демонстрирует всем, какой лакомый кусочек выторговал у своего врага.

И что-то мне подсказывает, что брак этот был определенного рода перемирием, потому что вид у супруги далек от счастливого. Кислая мина. Но, в принципе, там все ясно. «Аль Капоне» — Романов уже сдает позиции в мире криминала, а терять все на восьмидесятом году жизни ему явно не

хочется. Вот и загнал старшую дочку подороже, чтобы иметь нужные связи. Младшая, говорят, тоже уже поспекает.

А вот, кстати, и покупатель младшей. Вальяжный, крупный, как я, Вячеслав Ломоносов.

Вообще от этого собрания самых отъявленных отморожков Питера немного потряхивает, сразу вспоминается, как в Афгане собирались целые преступные кланы. Но там были правила, традиции. У русского криминала нет ничего. Они не гнушаются ни шантажа, ни убийства. Все хорошо, что приносит деньги. Все хорошо, что продается.

Мне денег достаточно, а вот за преступления я бы поотрывал этим ублюдкам всё, что делает их мужчинами, но сегодня я на их стороне. Наблюдаю, пока что. Так что просто стою аккуратненько в углу и попиваю за выдуманное празднование годовщины свадьбы Беляевых. Год свадьбе, а народу собрали как на само венчание. Прикрытие что надо.

А вот радости не вижу, только как все обильно жрут и пьют. Кстати, вкус шампанского кажется мне странным. Смотрю на командира Тамерлана и понимаю — нас просто решили накачать. Вопрос в том, кто из этой троицы? Кому надо снять всю охрану, да еще таким безумным способом? Или не снять? Просто дезориентировать?

Отставляю бокал на поднос официанта, и в который раз ловлю на себе внимание госпожи Беляевой. В один момент захватываю ее взгляд, не даю возможности отвести и буквально теряюсь в глубине глаз. Красивая зараза. Блондини-

стые волосы блестят в свете ламп, точно так же как влажные губы, по которым она чертит линию кончиком языка, и глаза. Особенным безумием сверкают глаза.

Перевожу взгляд на бокал и понимаю. Дама накачана точно так же, как и остальные.

И вот уже разговоры становятся громче, смех истеричнее, женщины практически лезут на мужчин, а мужчины, не стесняясь, зацеловывают своих женщин, бесцеремонно лаская их прямо в декольте. Как-то в голове происходящее не укладывается.

— Тамерлан, — зову по внутренней связи командира. — Мы вроде на сходку собирались, а не на оргию.

— На тебе жена Беляева, — без лишних разговоров командует Тамерлан, и я, кивая, иду в сторону круглых, богато уставленных столов.

Ну, кстати, я бы не отказался, чтобы чаровница в платье цвета красного вина побыла на мне. А лучше подо мной. Да и в любой доступной позе. Вот только хрен знает, кто это говорит — я или наркота внутри меня. Странно, но охрана бы не напилась, если бы не настояла как раз женушка Беляева.

Подхожу ближе уже осторожнее, наблюдаю, чтобы эти с ума сошедшие гости, уже раздевающие друг друга, не наделали глупостей. Но глупости наступают всех сверху.

Стеклянная крыша с треском разбивается, и на нас падают парни в форме спецназа. Рвусь вперед сквозь паникующую толпу и глухой стук сердца. Прикрываю жену Бе-

ляева телом от брызг стекла и чувствую, как тесно она ко мне жметя. Содрогаюсь совершенно непрофессионально, когда ее тонкие пальчики обжигают кожу даже через три слоя одежды.

Один из парней в форме тычет мне ствол в лицо, пока десять других собирают народ в кучу и предъявляют обвинения Беляеву.

— Захар? — удивленно смотрю в глаза парня в маске, и тот кивает. Этот парень все еще служит. Потом оглядывается и указывает на выход: — Сейчас бойня начнется, уведи женщину.

Теперь я понимаю все еще меньше. Но и уходить нет желания. Хочу в перестрелке поучаствовать. Ведь ради этого и приехал из Москвы в Питер, а тут меня вынуждают, по сути, стать надзирателем над дочерью преступника и женой садиста. Но делать нечего, загреметь за решетку за халявную работенку не хочется. Да и отец — генерал Ланкин — меня убьет, если опозорю честь семьи.

Так что подхватываю на руки госпожу Беляеву, чувствуя, как от дозы наркотиков ее уже потихоньку колбасит, и уношу из зала.

— Ванная... — еле шевелит она пухлыми губами, и я почему-то сразу вспоминаю слова коллеги. — Мне надо туда. Пожалуйста.

Выругиваюсь. Отношу ее в ванную, закрываю двери и оборачиваюсь к ней, пока девушка умывает лицо. Достāju пи-

столет и слушаю, что происходит за дверью. Стену сотрясает глухой удар. Отскакиваю в сторону, но, видя, что никаких повреждений нет, расслабляюсь.

Новая череда выстрелов за стеной, и меня бьет током желание выйти и присоединиться к веселью. Но вдруг слышу тихий всхлип и резко оборачиваюсь. Беляева сидит на полу, поджав под себя длинные ноги, и вся трясется. Прижимает одну руку к голове, а зубами сжимает кулак второй.

Чешу затылок и соображаю, как быть. Звуки услышат, начнут долбиться в дверь, а моя задача как раз спасти Беляеву. Нанял-то нас ее отец — опасался за жизнь дочери. Я еще тогда поржал, что он поздно спохватился.

Подхожу медленно, чувствуя, что наркотик и на меня уже действует все сильнее, а значит, точно не стоит выходить за дверь. Выключаю свет, чтобы никому не вздумалось прийти сюда, и сажусь у ног сотрясающейся в рыдании барышни.

Красивой, сука, бабы.

Вроде ничего особенного, но большие глаза и пухлый рот заставляют воспаленное воображение подкидывать новые, шальные фантазии. А наркотик вскрывает, как консервную банку, звериные инстинкты. Сейчас она просто слабая женщина, беззащитная, дрожащая от страха. Как же легко было бы ее просто подчинить себе прямо здесь, на кафельном полу, сорвать это чертово платье и взять жестко, грубо, до иступления. Заставляя глотать собственные слезы.

Никогда женщин не принуждал, но вот сейчас инстинкты

бунтуют. И из-за чего? Запах. Запах страха, возбуждающий похлеще любого афродизиака.

Тяну руку и стираю слезу с ее щеки, второй сжимаю дрожащее плечо и, когда звучит новый выстрел, заглядываю в лицо, которое видно разве что из-за полоски света из-под двери.

— Не реви.

— Не реву.

— Не бойся.

— Пытаюсь.

— Я здесь. На меня смотри. Тебя никто не тронет, пока я с тобой, — чуть встряхиваю ее, и снова пробирает до основания, когда большие глаза в меня впиваются, словно расплавляют какой-то внутренний стержень. Понимаю её мужа. Я бы и сам не прочь получить такую куколку. И владеть ею во всех доступных позах. Снова и снова. До полного безумия.

— А если тебя убьют? Они ведь могут. Они все Все они убийцы и животные.

Про животных она хорошо сказала, потому что мое тело уже на грани, а мозг готов отключиться, подчиняясь дикому напряжению в паху.

— И ты такой же, да? — цепляется она пальцами за мое плечо, обжигает простым касанием. Парень, очнись. Ты на работе! — Убийца? Насильник? Зверь. Почему ты молчишь? Говори со мной, иначе я сейчас умру от страха.

— Хотел бы опровергнуть твои слова, но не могу.

— Ты убивал? — тут же спрашивает она, и врать не имеет смысла.

— Да.

— Ломал женщин силой?

— Никогда, — да и надобности не было. Девки как-то сами на меня прыгали всегда. И эта прыгнет. Она уже так близко, буквально сводит с ума светящимся в глазах безумием и желанием. Я никого никогда не принуждал, но прямо сейчас могу понять эту темную сторону, потому что откажи она мне, я бы свихнулся. Достал бы ее из-под земли, чтобы забрать себе. Вывернуть нутро наизнанку и поставить свое клеймо. Пусть даже без согласия.

— И Беляев меня не насиловал, просто заставлял с ним ложиться снова и снова. А мне бы хотелось сопротивляться. Но в его руках столько власти... Отец, сестра Мне нельзя сопротивляться, а хотелось, понимаешь?

— Не совсем, — отвечаю честно, потому что, когда наркотический дурман заполняет разум, сложно говорить свято.

— А ты бы хотела сопротивляться? Хотела бы, чтобы тебя взяли силой?

— Я бы хотела, да, — лепечет она, впивается коготками в мой бицепс сильнее. — Просто чтобы почувствовать себя живой, а не продажной куклой, которая ушла с молотка вместе с имуществом отца.

— Я бы мог, — сглатываю. В штанах просто пожар. —

Помочь тебе.

— Когда? — тут же прижимается она всем телом, поднимает руки к моему лицу и поглаживает скулы.

— Прямо сейчас.

— Хочу, — говорит она резко и неожиданно хлестко бьет меня по щеке. — Давай же! Не сиди столбом, мужчина ты или кто?

Щека горит, но желание сильнее. Жажда, которую она заставляет испытывать, уже невыносима. Замахиваюсь, но вместо удара трепетно кладу ладонь на ее щеку, чем удивляю ее еще сильнее. Притягиваю податливое тело ближе и грубо, жадно впиваюсь в ее губы, пробираясь языком в рот и сжимая волосы на затылке. Она сначала словно не понимает, морщит лоб в сомнении, но лишь спустя несколько секунд отдается этой яростной ласке.

Как же это сладко и горячо.

Пока отвечаю на удар поцелуем, не покидает ощущение, что меня используют. Что не я собираюсь взять эту сумасшедшую девчонку, а имеют меня. Морально и психологически. Только вот это никак не мешает мне с треском рвануть ее платье до середины бедра, сдернуть бретельки и освободить из шелка две чудесные, налитые груди с возбужденными сосками.

Она наигранно вскрикивает, прикрывает их руками, но я перехватываю её запястья, сжимаю пальцами чувствительные вершины и снова впиваюсь в ее пухлый, влажный рот.

В голове уже крутятся самые грязные фантазии. А, впрочем, она ведь сама этого хочет.

— Похотливая зараза...

— Стой! — вдруг упирает она руки мне в грудь и начинает активно сопротивляться. Буквально драться со мной за каждый миллиметр своего тела.

— Ты сама этого хотела, так что не рыпайся!

Еще один удар по щеке, горящий обиженный взгляд. Но я чувствую не жжение, а лишь острое, дикое желание продолжить, ворваться в нее и брать с такой же силой, с какой она пытается отбиваться. Толкаю на пол, нависаю сверху. Раздвигаю коленом ее ноги, одной рукой намертво зажимая оба запястья над головой...

Все кончается внезапно. Хотя до разрядки мне еще как до луны.

Беляева свободной рукой резко тянет меня за волосы назад и прижимает что-то очень острое и холодное прямо к шее. Охренеть.

— Ты чего делаешь? Совсем сдурела? — рычу я, чувствуя, как от подобного финта подступает ярость вперемешку с шокком.

Беляева не отвечает. Только тяжело поднимается, опираясь о стену, переводит дыхание и хладнокровно кивает на дверь.

— Теперь иди.

— Не понял, — застываю, пытаюсь справиться с бешено

колотящимся сердцем и укротить бушующий в штанах сто-
як.

— Мне нужно было выплеснуть это. Я нашла самого круп-
ного и похотливого среди охранников. Так что свободен, —
шипит она не хуже змеи, поворачивается к зеркалу и злорад-
но усмехается, поправляя разорванное платье.

— Так ты не боишься выстрелов? — спрашиваю зло пе-
ред самым выходом, а она поворачивает голову и смотрит на
меня как на дурака. Может, я и правда дурак?

— Я родилась в семье бандита. Оружие было моей первой
детской игрушкой.

Хлопаю дверью с такой силой, что сыплется штукатурка,
слыша вслед ее тихий смех. Из зала командир Тамерлан вы-
носит на плече раненого бойца и подходит ко мне:

— Узнаю, чьих рук этот пиздец, придушу.

Киваю, поглядывая на дверь ванной, куда уже заглядывает
один из людей Беляева и зовет босса. Тот врывается в ком-
нату, где я только что едва не разложил его жену. Но я по-
чему-то спокоен и прекрасно знаю, что сейчас услышу из-
за двери.

— Что за ублюдок?! Кто это с тобой сделал?!

— Я не запомнила его лица... — отвечает она жалобным,
невинным голоском. Но я уже ни единому слову не верю.
Фальшивые ноты теперь отчетливо режут слух.

Тамерлан оборачивается, смотрит на меня пристально и
кивает на выход:

— Потом все расскажешь. Погнали. Меня уже тошнит от Питера.

Глава 1. Анжелика

Жизнь. Она как-то течет, развивается. Кто-то идет по ней, задрав голову, а кто-то, вот как я, постоянно оглядываясь. Может быть все дело в том, что меня ищут?

И ведь я очень хорошо знаю, кто и почему. От мужей – криминальных авторитетов не уходят. Тем более не сбегают. Пусть даже твой отец, бывший крестный отец, пусть даже твоя сестра была обещана в подарок другу.

В мире криминала женщины товар. И если поначалу я смирилась. Принесла свое счастье на алтарь безопасности семьи, то вскоре поняла. Мои жертвы никому не нужны. Только мы сами куем свое счастье. Только мы можем себя спасти. И я смогла.

Умудрилась сбежать, подстричься, вернуть естественный цвет волос.

Возможно, меня до сих пор ищут, потому что я ушла не с пустыми руками. В моей голове коды от сейфов отца. Ну и еще... я прихватила положенные мне алименты.

Не думаю, что Алекс обрадовался. Не думаю, что он вообще хотел меня отпускать. Тем более, что со мной увязалась сестра. Ей вообще пришлось притворяться мальчиком. Иначе нас бы вычислили в два счета.

А так...

Теперь мы взрослая, старая дева в огромных очках, старческой шерстяной юбке и взрослый парень, вечно жующий жвачку и надувающий пузыри.

– Этот толчок опять потек, – заходит в комнату это чудо и топает ногой. Иногда я удивляюсь, зачем она вообще со мной увязалась. – Мне не нравится эта лачуга.

– Это не лачуга, а квартира в центре Москвы. Если мы будем продолжать жить в отелях, нас засекут быстрее, чем ты успеешь чихнуть, – тру я усталые глаза после перевода художественного текста с английского на русский. Работа не пыльная, а главное можно почти не выходить из дома.

– В этой квартире, – Леля сделала знак двумя руками, изображая кавычки. – Сломан кран, протекает труба на стиралке и... течет унитаз, но если тебе пофиг, то мне тем более.

Она уже ушла, а я снова задумалась.

Ну течет унитаз, ну бывает. Завтра вызовем сантехника.

Вот так бы и в реальности. Сломалась твоя жизнь. Ты раз и вызвал ремонтника. И вот уже единороги скачут по цветочным полям и срут радугой. Смешно...

Мне скорее нужна маленькая армия, которая смогла бы укокошить одного очень неприятного человека. И это очень мягкое описание Беляева. Жестокий урод, садист, убийца, который целью своей жизни видит унижение.

Настолько погружаюсь в свои мысли и чувства, что почти не замечаю, как входная дверь почти дрожит от стука.

Тут же подскакиваю. Страх плотным кольцом стягивает грудь. Еле выдыхаю.

Леля выбегает из комнаты. Мы стоим как две курицы, дрожа от ужаса и не зная, что предпринять.

– Они? – почти шепотом спрашивает Леля.

– Не может быть, – твердо, почти без страха заявляю я и вдруг замечаю, как из-под двери в ванную что-то блестит.

Срываюсь на бег, распахиваю дверь... Бл*ть! Нет, ну это же надо! Одно дело, когда унитаз потек. Но тут унитаз ПО-ТЕК! Вода почти по щиколотку.

– Упс, – слышу выдох за своей спиной, перекрываю воду и резко бегу к двери, смотрю в глазок.

Сосед снизу вроде. Видела только машину. Леля говорит, что он огромный.

Дверь снова сотрясается от удара, и я, наконец, ее открываю. Не успеваю даже глотнуть воздуха, как меня отодвигают в сторону и уверенным шагом идут в туалет.

Переглядываюсь с Лелей, и мы скрываем улыбки ладонями. Неудобно, конечно, вышло. Но зато есть возможность разглядеть спину соседа. Действительно огромного.

Хотя мне с моими метр шестьдесят кажутся все большими.

– Вроде бабы, а навести порядок не можете, – бурчит сосед и я хмурюсь. Какого черта? И пока он копается с унитазом – даже инструменты приволок – я осматриваю небольшую ванную. Ну да... порядок мы наводить не научились.

Наверное, потом что до этого нас всю жизнь обслуживали, а последние полгода мы сменили около шестидесяти отелей. Но и его манеры не отличаются изысканностью.

– Ну и чего вы стоите, – рывкает он. Тряпку в зубы и вытирайте здесь.

Леля, конечно же, меня бросила. Так что пришлось в опасной близости от чужого, крупного мужчины собирать воду тряпкой. Посматривать иногда. Мышцы, кажется, готовы прорвать футболку. Взгляд то и дело касается ступней, и меня прошибает током. Огромный размер мужской ноги говорит о нехилом размере между ног. А его орлиный нос это подтверждает.

– Да кто же так воду выжимает, женщина, – поворачивается ко мне этот орангутанг и забирает тряпку. Показывает, как выжимают воду, и в два счета собирает остатки влаги с пола.

И почему-то тело ватное, в голове словно шумит прибор. А мне кажется, что эти огромным руки, обвитые выступающими венами, я где-то видела. Да и пальцы. Длинные с квадратными, как его челюсть, ногтями. А этот нос иногда снится мне в грязных фантазиях.

Не может быть.

Быть того не может!

Но стоит ему взглянуть на меня, протягивая тряпку, выпадаю в астрал. Смотрю во все глаза и не могу поверить, что полгода спустя, в одной из многочисленных высоток Моск-

вы я встретила того самого охранника. Того самого. Благодаря ему, по сути, я и смогла сбежать. Подошел бы любой, но этот не вызвал отторжения, скорее наоборот. Вот и сейчас в груди как будто защемило, словно я вернулась в приятное воспоминание.

– Я знаю, дамочка, что я красавчик, но может быть вы уж заберете тряпку, – слышу сквозь трясину сознания голос и моргаю.

Не узнал. Ну, конечно, и не мог узнать. Столько времени прошло.

– Да, конечно, – дрожащим голосом отвечаю, беру тряпку и поднимаюсь. Он за мной. И вот уже широкий коридор кажется резко меньше. А дыхание перехватывает.

– Завтра пришло парней, они поставят новый толчок. Этот на свалку, – говорит он, а смотрит почему-то не в глаза.

Опускаю взгляд и ахаю! Футболка промокла насквозь, демонстрируя выпирающие соски.

– Отличный вид на холмы, – еще и ухмыляется этот засранец. Складываю руки на груди и указываю на дверь.

– Спасибо за помощь. Парням вашим я заплачу сама.

– Так я же по доброте душевной, – не двигается он с места, а меня тут же накрывает пеленой воспоминания, с какой стремительностью он повалил меня на пол и трахнул. Зверюга, не иначе.

– Мужчины и доброта, не смешите меня, – хмыкаю. – Я заплачу за себя сама. Покиньте мою квартиру.

Он все-таки отрывает взгляд от виднеющихся из-под рук холмиков, а потом резко разворачивается и идет к двери, на ходу бросая:

– Увидимся.

то, когда-то мы встретимся, и я сведу её с ума точно так же, как она меня в тот вечер. Подчиню, наиграюсь и выброшу. Но даже тогда я не мог представить, что попаду в такую дикую зависимость от её образа

, от воспоминаний, от её дерзкого поступка. И теперь он уже не кажется мне плохим — я сотни раз прокручивал в голове, как хоту, чтобы она это повторила. ^{Томас Манн}

Как только вернулся в Москву, сразу решил устроиться в охрану к Беляеву на постоянку, соблазнить его жену и Дальше постели с этой крошкой мои мысли не шли, а вскоре я узнал, что она исчезла. Кто-то трепался, что с любовником

Кто-то уверял, что Беляев в приступе ревности её закопал. Но более достоверные источники гласили, что она прихватила коды доступа от банковских ячеек убитого в тот вечер отца — пару миллионов и килограмм свинины, привезла сестру

Беляев ищет её. Тратит просто бешеные бабки на детективов, пообещал дохера золота за её голову.

А она здесь. Прямо надо мной. В точно такой же спальне. Возможно, лежит сейчас на кровати, обнаженная, и уже думает обо мне.

Она ведь узнала меня. Расширившиеся зрачки сказали обо всем лучше любых слов. Узнала, часто задыхала, и это дало мне окончательное подтверждение моей догадке. Анжелика вернулась в мою жизнь.

Да, она сменила внешность. Напялила на себя черт знает что и скрыла блеск глаз за очками. Но для того, кто рассматривает её лицо уже полгода, этот камуфляж — ничто. Овал, черты, линия роста волос, губы, в конце концов. Она может обвести вокруг пальца дебилов из охраны муженька, но только не меня. Не меня.

Только не того, кто стабильно видит её в каждой женщине,

которая ложится под меня. Бесит уже Царапаю блондинку — вижу Анжелику

Зажимаю рыжую — вижу Анжелику

Но теперь ей не скрыться. Она загнана в ловушку, и скоро, совсем скоро мне не придется никого представлять или о ком-то фантазировать. Руки, что сейчас сжаты в кулаках, коснутся её шел-

ковой кожи и ощутят горячую, сходящую с ума влагу

В штанах уже полыхает пожар. Освобождаю своего «другка» из тесного плена одежды, откидываюсь на кровать и вспоминаю, вспоминаю... Провожу кончиками пальцев

по требовательно взбухшей плоти, сжимаю, перекаत्याю кожу

На губах играет хищная улыбка — я мысленно предвкушаю, как буду ласкать её спелые груди, украшенные теми самыми аккуратными вишенками сосков, которые так и просились в рот. И я знаю, что она была бы не прочь снова оказаться в моей власти. Веду рукой по

стволу, ощущая, как от дикого напряжения и жажды вздулись вены. Движения становятся быстрее, дыхание перерывающимися. * при сильном стрессе дыхание человека может быть таким

Как буду срывать стоны с этих чувственных губ, как буду слизывать сладкий нектар между её ног, как буду входить в неё на всю глубину, до самого основания, заставляя забыть обо всем на свете. Кажется, яйца сейчас просто взорвутся от этого напора.

Двигаю кулак на пределе скорости, выдыхая сквозь зубы желанное имя: — Анжели-ика, сучка дерзкая

Содрогаюсь от мощного экстаза, кончая прямо в ладонь, и мысленно обещаю себе: в следующий раз моего тела коснется только маленькая,

аккуратная ладошка Беляевой

Глава 3.

Прийти к какому-то решению легко, а вот сделать всегда сложнее. Но не для меня.

Я не для того выжил когда-то среди врагов, чтобы бояться маленькой женщины, которая всем своим видом показывает, что очень самодостаточна и в поддержке не нуждается.

Ну да. Ну да. Хотя, может быть дело в том, что мы с парнями приперлись чинить ее толчок во время принятия душа. А ее сестренка, которая упорно притворяется парнем, с улыбкой пустила нас, забыв очевидно о водных процедурах Анжелики.

И вот она стоит, за тонкой шторкой, сквозь которую прекрасно видно ее изгибы и аппетитные формы. Парни толпятся за моей спиной, а я только и думаю... Кого сейчас Анжелика проклинает больше? Создателей совмещенных санузлов или меня, упорно не отдающего ей полотенце.

Я просто держу его раскрытым, готовый помочь Анжелике в него завернуться. Только и всего... Ну я же по доброте душевной, а не потому что это очень хорошая возможность увидеть, не изменилось ли ее тело за полгода.

Я точно извращенец.

И мне даже парни не мешают, потому я всем своим видом показал, чья это женщины.

– Илий... – слышу бас бригадира сантехников.

– Выйдите пока, видите, девушка стесняется, – говорю через плечо и быстро возвращаю взгляд на шторку.

– Я не стесняюсь, – недовольно бурчит она, выглядывая.
– Просто вы ведете себя неадекватно.

И ведь не поспоришь.

Только сделать с этим ни я, ни она ничего не могут. А в паху уже кусаются шмели и жалят, распространяя по телу свой возбуждающий яд. А все дело в оттопыренной попке.

Женщинам с такой фигурой надо срочно запретить ходить по земле, побуждая мужчин на самые странные поступки. Например, такой, какой совершаю я.

– Лица, – именно так называет ее сестра. – Я всего лишь хочу помочь. Помогу вам безопасно выйти, и ни один из тех обалдуев за дверью не посмеет на вас посмотреть.

– А вы? – прищуривается она и поджимает такие пухлые, влажные губки.

– Ну... – пожимаю плечами. – За все приходится платить. Я никому не скажу о том, что увижу. Сохраню внутри себя, как самое приятное воспоминание. Иногда достану, чтобы...

– Шут и хам, вот вы кто... Илий. Что это вообще за имя такое? – говорит она и переступает с ноги на ногу, а шторка облегает часть бедра.

Дыхание перехватывает от зависти. Сейчас я готов оказаться даже капелькой, что стекает по ее виску.

– Напείτε меня чаем, и я расскажу вам трагичную историю о том, как затерялись три буквы моего имени... Выхо-

дите, не будем же мы стоять здесь до вечера.

– Вы же понимаете, что принуждаете меня... -хмурится она и смело, наверняка потому что я однажды видел все и даже больше, откидывает шторку.

Меня как током бьет от открывшегося вида. Плоский живот, тяжелые гроздья грудей с острыми пиками сосков и пушок между ног, скрывающий розовую влажность. Что может быть прекраснее женщины после принятия душа. Дыхание почти прерывается.

Господи, как пацан.

Очнись, телки что ли никогда не видел.

– Вау... – слышу за дверью, и Лица вскрикивает и сразу снова скрывается за шторкой. Вот и доказательство, что представление было только для меня.

Рычу, рукой захлопываю дверцу, обещая себе наглецу дать в челюсть. Смотрю в прищуренные глаза Лики.

– Вы пришли помочь или издеваться?

– Над вами? Боже упаси.

Издеваешься ты, тем, что еще не раздвинула свои ножки для моего уже давно готового бойца.

Она тяжело вздыхает. Открывает шторку и почти выпрыгивает из ванны. Пытается грудь прикрыть. Но разве скроешь такое богатство? Только если моим ладонями. Я помню, что они подходят для этого просто идеально.

И она помнит, смотрит в глаза, часто опуская взгляд вниз, и губы влажные и без того облизывает. Сладкая, манящая

вишенка.

Разворачивается ко мне спиной, поражая нутро видом округлой задницы, и отбирает из ослабевших от жара в паху рук полотенце.

– Вы были очень любезны, – смеется она, скрывая от меня свое тело, оставляя простор для фантазии извращенца.

Хочет взять халат и выйти, но я преграждаю путь, заслоня почти всю дверь широкой спиной. Скрадываю и без того тесное пространство, накаляя воздух между нами до предела. Его буквально можно резать ножом, настолько он густой и пряный от дыхания.

– Прекратите. Прекратите так смотреть, – шепчет она на грани слышимости. Опускает длиннющие ресницы. Все чувствует. Все знает. Да и бугор, почти разрывающий штаны, не скроешь.

– Если бы я мог... – легонько толкаю ее к раковине, руками беру в плен, нависаю, всем видом демонстрируя, что шанса на спасение нет. Ни у одного из нас.

Только не от того, кто одержим даже не желанием трахаться, а просто вот так стоять и дышать ее свежестью.

Но вопросов в голове так много и все они давят, заставляют страдать и не делать последний шаг.

– Илий... Василий... – она шумно выдыхает мне в губы. – За дверью столько народу, за кого, по-вашему, они меня примут? А сестр... то есть брат. Это неприлично...

Тебе вроде не привыкать...

Хочется сказать, что мне насрать на всех. Насрать на приличия и даже на ее желания, потому что жажда уже невыносима.

Вот ты бредешь по пустыне, ищешь источник с водой и находишь. Он так близко. Невыносимо. Протяни руку, коснись его рукой. Испей до дна. Но нельзя, потому что, мать их, люди и приличия.

– И вы хотели чаю...

– Не так сильно, как поцеловать тебя...

– Не помню, чтобы мы переходили на ты, – отклоняется она к зеркалу все сильнее, часто и судорожно дышит. А мне бы только не проколоться. Только бы не напомнить, как она говорила со мной на ты, только бы не раздвинуть ее ноги в стороны и не ворваться, смотря как наши, сгорающие от страсти, тела отражаются в зеркале.

– Когда мужчина видит женщину обнаженной, для правил этикета не остается места. Остаются только инстинкты.

– Подавите их, вы же сильный... Умный... Илий, прошу...

Когда она так просит, хочется ее ударить. Наотмашь. Потому что отказать нельзя. Потому что от одного ее низкого, чуть хриплого голоса мурашки уже отвоевали себе все участки моего тела, готовясь штурмом взять сердце. Сука...

– Поцелуй... – требую я. – И ты выйдешь отсюда.

На этот раз...

Она напрягается, но сжимает руки в кулаки и тянется к моим губам... Но лишь порхает по ним бабочкой и касается

подбородка.

Поднимает взгляд, пока я готов просто разломить раковину пальцами от напряжения и кайфа, что все больше захватывает разум. Дурманит. Поражает.

– Еще...

Она облизывает губы и целует кадык, спускается к груди. И я сотрясаюсь, прикрываю глаза, ощущая на сосках горячее дыхание. Даже сквозь ткань белой футболки. На животе, пупке и... все... Что за?

Открываю глаза вижу, как она резво прошмыгнула снизу и уже сняла с крючка халат. Я бы мог в два счета ее догнать и заставить завершить начатую пытку, но не буду.

Слишком хороша та игра, в которую она со мной играет. Слишком возбуждающая. Только боюсь, Лика еще не понимает, что правила в игре устанавливаю я.

Глава 4. Анжелика

Что правильно, а что нет?

Где та граница, за которую хорошим девочкам переступать нельзя?

Наверняка, на такой границе будет змей-искуситель в виде крупного образца мужчины, с пошлой ухмылочкой, твердым подбородком и прищуренным взглядом.

Он жалит мне спину, пока я уже в третий раз пытаюсь налить ему чаю.

Расположился он тут как дома. Наглый, мерзкий, но настолько искренний в своих эмоциях и желаниях, что это не может не подкупать.

Может быть, поэтому в тот злополучный вечер я выбрала его. Именно за него из всей безликой толпы охранников зацепился взгляд.

Воспоминания о том, что он вытворял с моим телом, успешно дают провалить четвертую попытку с чаем.

Бл*ть...

Вытираю тряпкой и печально смотрю на самодельный маникюр. Лучше не тратить лишних денег, а взять из банка равносильно объявлению о капитуляции перед Беляевым.

А значит смерть. Ведь теперь я ему не нужна.

– Помочь? – оглушает меня шепот сзади, и жар крупного тела, занявшего почти все пространство не маленькой кухни,

будоражит. Сносит планеты благоразумия с орбит.

– Олег... – пытаюсь посмотреть где Леля.

– Ушел...

– И вам бы надо... – предлагаю я и все-таки наливаю остывший чай в чашку, слышу, как за стенкой работают сантехники.

Чувствую касание губ на шее и задыхаюсь, испуганно поворачиваюсь и, конечно же, опрокидываю чай ему на белоснежную футболку. Недотепа...

Испуганно жмусь, жду, когда он наорет на меня, назовет бесполезной курицей, как часто делал Беляев.

Но Илий не Алекс.

Он нагло ухмыляется и, стягивая со своего невероятного тела футболку, заявляет:

– Вишенка, если ты хотела посмотреть на меня, могла бы только попросить... Я могу предоставить тебе эксклюзивный доступ к любым частям своего тела, – играет он бровями, а затем доводит меня до сумасшествия игрой мышц на груди.

И я не могу сдержать веселый смех, чувствую, как рассыпаются печальные мысли о прошлом, и свобода, что я ощутила за эти полгода, стала полнее, приятнее.

– Боюсь даже представить, что вы попросите за подобные привилегии, Илий...

– Только лишь, – наклоняется он, губами почти касается щеки, – взаимность.

Его рука уже раскрывает халатик, вторая поглаживает

спину, спускаясь к пояснице. Он так близко, захватывая меня в плен своей светлой ауры и запаха мускуса, который я так хорошо помню.

Неужели он меня не запомнил? Неужели его обманул мой камуфляж? Издалека да, но так близко...

Неужели он вот так интимно касается каждой понравившейся девушки. Знаю. Противоречу сама себе. Боюсь, что он узнал меня, и злюсь, что «нет».

Сволочь он. Кобель. Такому мужчине постоянно нужен секс, а я прекрасно помню, что ни разу за все два года брака так и не смогла кончить. Зачем я ему...

Лучше не начинать.

Лучше сказать ему, что между нами не может быть ничего... такого. Такого обжигающе прекрасного, такого сексуального, эротичного.

Нет. Лучше не начинать. Хотя очень, очень хочется.

Удерживаю его руку, почти коснувшуюся полоски свежих трусиков, смотрю в глаза и отрицательно качаю головой.

– Не надо...

– Я так не думаю, – считает он мое сопротивление поцелуем. Жадно касается губ, языком тут же пробираясь внутрь. И меня несет. Он такой страстный, ни капли схожести с грубым, холодным как змей Алексом. Настоящий лев. И в груди щемит от удовольствия, пока наши губы и языки не прекращают влажно соединяться.

И его рука, конечно, уже между ног, ласково, так ласко-

во поглаживает полоску ткани, надавливает, промокая ее в терпкой влаге.

И только глупая обила, что он не узнал меня, не позволяет отдаться этим чувствам до конца. Принять его силу и покориться его мужественности.

– Нельзя, – все же прекращаю поцелуй, чувствую, как внушительный бугор прижимается ко мне все плотнее, а следом шепот в ухо:

– Ты слишком много думаешь, расслабься. Даже если я укушу, тебе только понравится.

– Я не могу. В квартире полно народу, будет замечательно, если кто-нибудь из них еще не снимает нас для сети, – прихожу в себя окончательно, но Илию все нипочем.

– Ты просто сногшибательна в гневе. Как только все уйдут...

– Вы, Василий, уйдете с ними, – говорю ему в спину. Стараюсь быть твердой, хотя коленки ватные. Почти дрожат.

Спина Илия каменеет. Он поворачивает голову. Не могу насмотреться на профиль, такой крупный нос, почти как... Он так смотрит. Становится не по себе. Занимаю руки во время паузы, поправляю одежду.

И впервые мне страшно смотреть ему в глаза. Словно одержимость в мгновение ока овладевает его разумом.

– Уйду. Но не думай, вишенка, что не вернусь. Нельзя играть в игру, правил которой не знаешь.

– Я не играла... – говорю я и замираю, когда он в мгнове-

ние ока оказывается возле меня и задирает голову, потянув за волосы.

– Дразнишься, отвечай. Не хотела бы видеть меня, не стала бы звать в кухню. Так что... – заставляет он дрожать все тело, одним движением чертит языком линию на шее. Словно клеймо ставит. Даже пугаюсь такой резкой смены. Кто он такой? – Ты можешь обмануть кого угодно, даже себя. Но мне ты солгать не сможешь.

Он держит меня за волосы, грубо целует, насилует рот, разнося по телу огненные иглы возбуждения и резко отпускает.

– Парни закончат и уйдут, – говорит он на выходе, потом смотрит в свой смартфон и бросает: – Сегодня у моей сестры день рождения, ты едешь со мной.

Что?!

Глава 5.

Не поняла.

А какого это черта я должна куда-то идти?

Мой вопрос остался без ответа. Этот сексуальный хам просто слинял. А как ему объяснить, что я крайне редко выхожу на улицу, потому что, не смотря на иллюзию свободы и камуфляж, меня может узнать, кто угодно.

Судя по всему, кроме Илия, черт бы его побрал. Обидно ведь.

Настолько, что, когда он приходит вечером озарить меня видом в светлой рубашке и отутюженных брюках, я даже не собираюсь одеваться.

Стою, как была в домашнем халате и разве что расчесанными волосами.

– Вишенка, твой халат больше подходит для дома. Одень что-то более уличное.

– А зачем мне одевать, как вы выражаетесь «уличное», если я собираюсь оставаться... дома.

– Не понял, – темнеет его взгляд подобно грозовой туче. А на лице живые эмоции. Это будоражит.

– Если у вас проблемы с восприятием русской речи или со слухом...

– Проблемы сейчас будут у твоей задницы, если ты не сделаешь, как я сказал, – почти рыком говорит он. А рубашка

от напряжения мышц трещит по швам.

– С чего бы это? – все же скрещиваю руки на груди, тут же замечая, как его взгляд скользнул с лица. Вниз.

– Потому что я мужчина. Потому что минимум на пятьдесят килограмм тяжелее и на двадцать сантиметров выше, – поднимает он брови и упирает руку в косяк двери. Какая точность в подсчетах... – Как ты думаешь, долго ты сможешь сопротивляться?

При его последних словах мысли мои понеслись к тому вечеру, когда я не сопротивлялась, совершенно, принимая в себя все его двадцать с хвостиком сантиметров. Он, действительно, крупный. Везде.

А пока он ждет ответа, я пытаюсь успокоить свое сердце, которое уже отбивает чечетку, словно предвкушая, как я буду не сопротивляться. А это плохо сказывается на дыхании и коже, уже давно покрывшейся мурашками.

И отчего же он такой внимательный. Уже в следующую секунду он хватает узел моего халата, тянет меня на себя.

– Впрочем, если ты хочешь, можем остаться сегодня дома и... – приближает он свои губы к моим. Я отклоняюсь. Заманчиво, конечно. Но этого-то как раз лучше избежать. Со всем. Не хочу разочаровать еще и его.

– Впрочем, я могу просто накинуть на себя платье, – пожимаю я плечами и все-таки вырываюсь. Но он держал так крепко, что я просто грохаюсь на пол, устеленный тоненьким

ковром.

Халат распахивается, и глаза Илия и без того заполненные полыхающим огнем горят еще ярче, когда он видит мелькнувшие между ног трусики.

Он раздувает ноздри, как бык. И я понимаю, что нет ничего красивее, чем желание мужчины. Оно так жжет низ живота, что я готова расплавиться перед ним мороженым и умолять себя слизать. Боже, откуда такие мысли?

– Картина маслом, – слышу фразу, а затем хруст яблока. Леля подпирает косяк арки между коридорами и насмешливо за нами наблюдает. Она вообще стала без гнета отцовского дома и угрозы будущего брака с вором в законе совсем другой. Простой. Общительной.

– Хочешь с нами, братец Иванушка? А то видишь, как Аленушка боится. Думает, наверное, гуси прилетят, – как ни в чем не бывало хамит Илий, а Леля только закатывает глаза.

– Не-а, я лучше телек посмотрю. Больно надо наблюдать ваши половые прелюдии...

– Олег! Что за выражения?! – все-таки поднимаюсь я с пола, злобно смиряю взглядом обоих. – Знаете, что... Я пойду, пожалуй, оденусь. Давно надо было развеяться.

И разумеется угроза секса, пусть даже такого жаркого, тут не причем. А то, что я одеваю свой не самый скромный наряд – летнее платье с глубоким декольте – никак не связано с Илием. Точно никак. Очки же я надела. Большие, скрывающие пол лица, правда с простыми стеклами.

Удивительно, что даже в таком наряде я вижу в этом мужчине желание, а с Алексом что бы я не надела, не помогало ничего. Он оставался таким же холодным, грубым, безразличным. Жестоким к врагам и женщинам.

А Илий. Он другой. Пусть и знаю я его совсем недолго.

Остается понять, что ему вообще от меня нужно. Ну... Кроме основного инстинкта.

– В качестве кого я еду? – спрашиваю я, пока Илий пристегивает меня ремнем в своей огромной машине. И, конечно, не может «случайно» не задеть мою грудь. Губами.

– А в качестве кого бы ты хотела?

– Есть варианты? – спрашиваю и вздрагиваю, когда Илий с улыбкой заводит своего зверя. Машина под стать хозяину.

– Ну... дружить я с тобой точно не собираюсь.

– А что собираешься делать? – спрашиваю, а тело дрожит в ожидании его ответа.

И почему он такой стремительный? Неужели не мог оставаться в зоне приятного флирта. Тогда бы не пришлось его отталкивать и рассказывать, что я совершенно фригидна и не знаю, как доставить мужчине удовольствие.

Правда блок в мозгу на удовлетворение никак не отменяет желания помечтать. Повспоминать. Как в тот вечер. На полу. Благодаря Илию.

– Вот все, что ты в своей голове нафантазировала только что, – ухмыляется зараза. – И даже больше.

Глава 6. Илий

Нет ничего лучше рева мотора и пустой воскресной дороги. А если рядом сидит еще и очень красивая бабенка, непонятно зачем сдерживающая рвущиеся наружу желания, то полный кайф. Чувствую, как будто вернулся в мирную жизнь, без крови и людей. Душу пронизывает жажда жизни, а Анжелика разбавляет это жаждой секса. Она сама как секс. Хочется уже кончить, но нет ничего лучше прелюдии. Хотя, тут важно не затянуть.

Тишина приятная, но вижу, как ее смущает звук мотора. Так что включаю радио.

Оказывается, мы с ней любим одну музыку. По крайней мере, услышав русскую мелодию, она вполне себе мило улыбается и покачивает головой в такт трека Макса Барских «Неверная».

Актуально, не правда ли. Неверной она стала полгода назад, когда практически склонила меня к сексу. Не то, чтобы я против, но ее поведение «после» заставляет меня злиться до сих пор. И желание мести, самой сексуальной и изощренной до сих пор хлещет по мне через край...

Сейчас мы одни в машине, мчимся сквозь вечер и только закатное солнце улыбается нам, греет, красит проносящиеся верхушки деревьев в розовые краски. Мы одни, черт возьми.

Нет ничего сложного. Просто остановиться и склонить ее

к тому, чего она еще недавно сама так рьяно просила. Задрать простенькое платье, вытащить из дразнящего декольте крупные сиськи и зарыться в них лицом. Вдохнуть ванильный аромат ее геля для душа. Еще в ванной учуял. Еще тогда, в доме ее отца он стал для меня навязчивой идеей. Как и она.

Подглядывает, сучка. Знаю, что мыслишки в ее голове столько же порочны. И если бы не сестра, я бы уже съехал на обочину. Содрал бы трусы и впился в сочные глубины.

– Вы часто появляетесь у сестры с незнакомыми девушками? – затевает она разговор, который, кстати, снижает раскалившуюся в салоне атмосферу.

Отличный вопрос. Очень много говорит о ней, как о человеке. Хочет узнать насколько я разборчив в связях. Пожалуй, не особо, но причем тут сестра?

Хмыкаю и с усмешкой качаю головой.

– Не часто.

– Насколько не часто? – давит она. Ей просто необходимо услышать ответ. – Чего мне ждать? Ухмылок, что я очередная. Или ошеломления, потому что такого никогда не было?

– Второе, – ничего не скрывая говорю я, и краем глаза вижу, как приятно округлился ее ротик. Очень приятно. Так, что пах горит, заявляя о своем желании скорее заполнить эту пухлую округлость.

– Почему?

– Твой язык бы, да в полезное дело.

Она ахает от возмущения, скрещивает тонкие руки на пышной груди и отворачивается. Обижается. Глупая. Я не сдержан в выражениях. В тех условиях рос. Отец военный матерился. Друзья его матерились. Мать и сестра стали сдерживающим фактором, но только касательно брани.

– Знаешь, что с обиженными делают? – кладу руку ей на колено. – Еб*т.

Дергается. Но продолжает упрямо смотреть в окно. И только стекло, запотевшее от ее участвовавшего дыхания, говорит мне о том, что она совсем не против моих действий.

Скорее даже за, потому что ноги чуть раздвигает. Дает мне доступ к прелестям ее узенькой киски. До сих пор ноют яйца от воспоминаний, какая она тугая.

Машина с автоматической коробкой передач дает очень много преимуществ. Например, свободную руку, пальцы которой уже поглаживают внутреннюю сторону бедра. Неотступно приближаются к кромке белья. Оттягивают. Ох, еб*ть... Как мокро.

– Почему вы не хотите прямо отвечать на мои вопросы? – какой голос хриплый. Почти с придыханием.

– Начну, когда буду уверен, что и ты ответишь тем же....

Эта двусмысленность заявления заставляет ее оглянуться. Смотрю прямо в глаза и сглатываю. Миг и я снова смотрю на дорогу, продолжая пальцами поглаживать половые губки, пробираясь как за лепестки цветка в сердцевину.

– Вы рассчитываете на то, чего я дать не в силах.

– Ты о сексе?

– О нем, – кивает она и останавливает мою руку, но поздно, влагу я уже ощутил. Значит врет. Или скрывает что-то еще? – Флирт, это приятно. Но на этом мы должны остановиться.

– Ваше тело говорит мне о другом.

– Женское тело – самый главный враг благоразумия. Возбудиться легко... Тем более от такого... – она умолкает, и без того завышает мою самооценку, а потом смело выдыхает: – Привлекательного мужчины. Но я не животное.

– С этим я полностью согласен, но настаиваю на том, что в определенных условиях тело стоит послушать.

– Не в моем, потому что это никак не закончится.

– Объясни.

Уже напрягаюсь. Что она несет? Закончится. Кончится. С ее стороны криками. С моей – обильным фонтаном спермы.

– Я не буду заниматься сексом, ведь в нем нет смысла, если это не ради детей.

Меня пробрал смех. Вот это заявление. Как будто из монастыря выпустили. Фантазий о монашках у меня еще не было.

– А как же удовольствие? Поверь, его между нами будет очень много...

– Я не способна испытывать оргазм. Совсем, понимаете?

Глава 7

Ого. Да она ведь уверена в своих словах. Это ж как надо было засрать мозги?! Что за чушь? Да она же сексуальная бомба замедленного действия.

– Вишенка, ты хоть понимаешь, какой вызов делаешь мне этим заявлением? – скалюсь, предвкушая, как буду доказывать ей ее секс-пригодность. – Теперь я обязан доказать, как ты ошибаешься.

– Илий, вы не понимаете. Я была замужем два года и ничего...

Приехали. К сестре в смысле.

Останавливаю машину возле ворот дома Корзунов, заглушаю мотор.

Между нами воцаряется густое молчание. В салоне выключаю свет и только блеск магнитолы падает ей на лицо, добавляя магии. Нет, ей точно нужно запретить ходить по земле и приковать к кровати. Даже не знаю, что может случиться, чтобы я перестал хотеть ее трахнуть.

– Вы опять смотрите.

– А ты опять меня хочешь...

– Не правда, – прикусывает она губы, хочет отвернуться, но я цепляю рукой подбородок. – Я не могу. Я не умею.

Сердце барабанит об ребра. В теле ноет предвкушение. Столько трепета в теле, столько жажды удовлетворения в

глазах.

Желание убедить её, как же она не права, просто убивает.

– Лица, милая. Женщина – это оружие, – рукой касаюсь пухлых губ, щеки, спускаюсь к оголенной тонкой шее. Вздрагивает. Глаза прикрывает. Тянется ко мне всем телом. – Но не у всех есть разрешение им пользоваться – раз. И не все умеют им пользоваться – два.

– А вы, значит, умеете? – еле слышно шепчет она, пока переплетаю наши пальцы и рукой давлю на затылок, приближая ее лицо к своему.

Сладкое дыхание опалает губы. В тело проникает яд похоти и острого желания. Познать. Научить. Разодрать на части и удовлетворить каждую.

– Я – мастер, – шепчу ей в губы и впечатываюсь, сразу пробираясь в рот языком и вылизываю небо. Не даю и шанса отстраниться или сказать слово против.

А она и не хочет. Даже не понимает, как действую на нее. Ничуть не меньше, чем она на меня.

Касается языком моего. Сначала осторожно, потом смелее. Руками обхватывает плечи и активно трется о грудь сиськами.

Пытается вступить в игру, взять инициативу. Но я лишь глубже толкаюсь в рот, почти насилую ее, окончательно пленя разум.

Целую. Целую. Целую. Имитирую половой акт, показывая, как это будет между нами. Воздуха в легких почти нет.

Задыхаюсь. Но и ей не даю возможности даже вздохнуть. Пусть учится задерживать дыхание, потому что скоро, совсем скоро она будет давиться моим болтом.

Тело горит, и лишь прохладные пальчики на шее дарят облегчение. Такие маленькие и нежные, что мозг просто отключается. Горит огнем. Плавится. Запах. Мягкость и упругость тела. Желание подарить ей оргазм, привязать к себе так, чтобы потом и не думала никогда, ничего скрывать. Все это дурит башню, накрывает ее так, что и мысли остановиться прямо сейчас не возникает.

Трахнуть. Сейчас. И по хрен, где мы. И по хрен, что неудобно. Было бы желание, а возможность вставить я всегда найду.

Расцепляю руки, чтобы обхватить два шарика груди. Упругие. Сочные. Так бы и сожрал. Сжимаю, мну, чувствуя через ткань, как заострились соски. Фригидная, ага.

Она мычит мне в рот, когда я нахожу их пальцами. Чуть сжимаю, начинаю покручивать. Настраивать ее тело на нужный мне лад.

Ткань неприятно натирает. Одной рукой вытаскиваю грудь себе в руку, и отпускаю рот, чтобы в миг втянуть маленький сосок. Их я очень хорошо запомнил. Ни у кого такой нет груди. Округлой, крупной, с маленькими розовыми сосками. Мечта анимешника, реально.

Она издает стон, закидывает голову назад и торопливо тянет меня за волосы. А моя вторая рука уже между ног, уже

оттягивает влажные трусики и окунается в приятное тепло. Ох, черт. Даже палец. Она так сжала палец, что ствол просто бесится от невозможности в сию секунду его заменить.

Но я мысленно приказываю себе терпеть, потому что на очереди вторая грудь. И я медленно начинаю потрахать киску, в том же темпе, что и посасывать сосок. По пальцу течет влага, и я в миг достаю его и, отклонившись, пробую на вкус.

Вот это девочка. Она открывает поддернутые пленкой похоти глаза, а я наклоняюсь, рукой нахожу рычаг, чтобы опустить ее кресло.

– Чтобы ты знала, Вишенка. Фригидность – это невозможность возбудиться. А у тебя с этим полный порядок. Ты же хочешь меня.

Она в полудреме кивает, тянет меня за волосы на себя и мигом принимает поцелуй. Я уже готов закинуть ногу через нее и начать искать влажный вход. Готов это точно. Осталось только расстегнуть ремень и ширинку. Еще немного.

– Лица... Пиздец тебя хочу...

– Илий, пожалуйста, Илий, – рвано шепчет она, и вдруг сквозь эротическую дрему слышу стук в окно. Не сразу осознаю, что это. Да я бы плюнул. Но совесть не позволяет мне трахнуть Лику перед домом сестры. Черт.

– Прости, милая. Придется нам отложить наши игры...

– О чем вы? – поднимает она голову и забавно хмурится.

Она вообще может делать что-то не идеально?

– На нас смотрят.

Глава 8. Анжелика

В окно торчит мужское, ухмыляющееся лицо, и я тут же отталкиваю Илия.

Нет, это же надо. Вечно он не вовремя со своими «играми»

Запихиваю свои богатства в одежду и натягиваю улыбку.

– Мог бы и сказать, что мы подъехали.

– Не хотел тебя отвлекать

– Ну знаешь, я никогда не интересовалась доггингом.

– Чем?

– Сексом на людях. А ты вечно меня к этому склоняешь.

– Я склоняю, – не стал даже он спорить, поправляя одежду. Подлец. – Как и где он произойдет мне плевать. Пойдем, а то Корзун поди уже себе порно сагу нафантазировал.

Как раз в этот момент дверь с моей стороны открывается и улыбочное лицо трансформируется в самца под стать Илию. Плечи. Выправка. Короткий ежик на голове. И судя по кольцу на пальце уже чей-то телохранитель.

– Вот это сюрприз, так сюрприз, – предлагает он мне руку и помогает вылезти.

– Всем сюрпризам, сюрприз, – толкает бедром Илий – Это муж сестры – Артем, – и тот тут же поднимает руки в сдающемся жесте. И указывает на открытую дверь.

– Настя сегодня постаралась на славу, – говорит Артем и счастливо улыбается, пока мы идем по направлению трехэтажного дома из бруса. По виду очень уютного и теплого, не сравнить с каменной глыбой, в которой я прожила всю жизнь.

Но это только начало, потому что, зайдя в это светлое помещение, я буквально окунаюсь в атмосферу праздничного настроения и семейной любви. Улыбки. Смех. Детский визг. И бесконечные разговоры. Обо всем и ни о чем. Даже наше появление не стало поводом прервать веселье.

Все махнули Илию так, как будто виделись с ним пять минут назад. А на меня посматривали с любопытством.

С годовалым малышом на руках к нам подошла девушка. Симпатичная, русоволосая. Парни размеров Илия и Артема любят маленьких женщин. Потому что и мой рост едва ли перевалил за сто шестьдесят пять. Обычно меня такие огромные парни пугают. Их лапой спокойно можно переломить мне хребет. Но здесь это не подавляет. Наоборот, чувствуешь себя, как за каменной стеной.

Судя по разрезу глаз и цвету волос девушка как раз-таки именинница. Её улыбка поражала позитивом и удовлетворением. Словно кошка, вечно объевшаяся сметаны. Завидую ей.

Именно так должна встречать гостей хозяйка дома. Легко и непринужденно, а не так, словно в затылок ей давит револьвер.

Настя отдает лепечущего мальчика Артему и крепко обнимает Илия. Потом переводит взгляд на меня, и я подвергаюсь подробному осмотру. Как на работу устраиваться пришла.

Любая сестра невольно ревнует брата к другой девушке. Настя не стала исключением, но уже через мгновение вся засветилась озорством.

– Ну и что ты язык проглотил? Знакомь нас, – спрашивает она со смехом.

– Язык поди опух у него просто, – выдает шутку Артем, и Анастасия прищуривается еще сильнее. Но Илий разбавляет легкое напряжение своим рокошущим басом.

– С днем рождения, любимая сестренка, – дарит какую-то коробку сестре, тут же притягивает меня к себе за талию. До сих пор горячий, а меня все еще потряхивает. – Это моя Лика.

«Моя Лика» вызывает жгучий спазм в сердце, мне даже кажется, оно останавливается.

Вот так просто. Представить своей семье почти незнакомую девушку. К щекам приливает жар, но ласковая улыбка Насти тут же меня расслабляет.

Она протягивает руку, и я ее с улыбкой жму.

– Ну привет, Лика Илия. Почти песня.

Как же здесь хорошо. И ни одного фальшивого выражения лица. Если смеются, то во весь голос. Если доходит до драки, то на кулаках. До крови. Молодые, горячие. Успеш-

ные, если судить по машинам и обстановке дома. Но самое главное – здесь нет пафоса, а дети спокойно могут рассыпать горшок с землей на ковер и убегать от отца, показательного расстегивающего ремень.

Мне сразу вспоминаются приемы в доме отца, где мы с сестрой должны были играть в хороших девочек. А мать спокойно принимать все, что происходит в гостиной, вплоть до оргий, от которых мы прятались на чердаке.

Но мы семья и должны терпеть все. Так говорил отец. Он хотел сыновей. А появились мы. Бесполезные. Нам ничего не оставалось, как следовать его законам.

Улыбаться, а потом и вовсе лечь под того, на кого укажет отец. Мечты. Планы. Желания. Это не про нас. Я с самого детства знала, кто я, и что должна делать. И что мне не положены те привилегии в мире как мужчинам. Только одну поблажку сделал мне отец и сам научил стрелять и водить машину. В двенадцать. А потом словно забыл обо мне, пока не стукнуло двадцать два. Мне было положено быть глупой, послушной и терпеливой. Особенно с мужем.

Наверное, я так накрутила себя, что не смогла сдержать первой влюбленности. Алекс был хорош. Галантен. И напроць фальшив. Стоило отгреметь маршу Мендельсона и закрыться двери в спальню, он стал бездушной тварью, которая думала только о своих желаниях.

А во время финального аккорда очень часто повторял имя "Маша". На мой вопрос о ней, я просто получила оплеуху и

отлетела на пол.

– Никогда не смей произносить это имя. Ясно, тварь бесполезная?!

Коленку под столом сжала горячая ладонь, и я оторвала взгляд от бокала с соком. Вырвалась из тьмы воспоминаний. Сильно сжимала пальцами стекло, и Илий просто забрал у меня бокал.

Он внимательно на меня посмотрел и склонился к уху, пальцами руки поглаживая уже внутреннюю сторону бедра. Легко, не делая даже попыток подобраться к пульсирующей плоти. От запаха его одеколона, смешанного с пивом, кружилась голова, а между ног приятно ныло.

Может он прав, и я не фригидная?

– Задумалась?

– День был насыщенный, – отвечаю я с улыбкой, еще раз убеждаясь, что нахожусь там, где надо. С тем, с кем надо. Рукой касаюсь его бедра и медленно поглаживаю.

Взгляд из обеспокоенного становится почти огненным. Кажется, в нем можно различить прожилки магмы.

– Если хочешь, можем подняться в гостевую спальню и передохнуть от шума.

– Очень сомневаюсь, что мы будем отдыхать... И я уже говорила тебе, что не сильна в этом...

– Вишенка. Расслабься, – его рука поползла выше, коснулась ткани влажных трусиков. Я быстро осмотрелась, но на-

ши игры никому не были интересны. – Тебе не придется ничего делать, я все сам. Я даже свяжу тебе руки, чтобы не было как в прошлый...

Он осекается, а меня бьет ток.

Глава 9.

Илий сразу становится серьезным. Даже напряженным. Пытается взять меня за руку, но я ее убираю.

Он меня узнал. Удачно сыграл на чувствах, а сейчас хочет оправдаться. Зачем?

Я прикрываю глаза и отодвигаю его руку от своих ног.

Не могу на него сейчас смотреть. Мне нужно подумать.

– Пойдем выйдем... – тут же пытается он меня поднять, но кидаю взгляд на Настю. Умоляю. И я не знаю, как. Она слышит зов. Тут же подскакивает за нами и преграждает путь.

Остальные в любопытстве разом прекратили все разговоры.

– Лица, дорогая. Мне очень срочно нужна помощь на кухне.

– Настя, не сейчас, – отрезает Илий, смирив жестким взглядом сестру, но та не из слабых. Спуску не дает. Буквально выдирает меня из плена его крупных пальцев.

– Мне о-очень срочно нужна помощь на кухне. Прямо сейчас.

Через секунду она вталкивает меня в небольшое, наполненное приятными запахами и теплом, помещение и закрывает двухстворчатую дверь, кинув компании:

– Веселитесь.

Почему он не сказал сразу, – думаю я, упираясь в столешницу лбом и хватая воздух ртом. Чего ждет. А главное, как хочет использовать информацию? Желания, обуревавшие меня, тут же рассыпаются под давлением страхов. Растоптаны ужасом того, что может случиться.

А если он уже позвонил Алексу? А если Лелю уже захватили?

Передо мной тут же ставят запотевший стакан с водой, и ничего не понимающая Настя садится напротив.

У меня очень похожее состояние. Но беру стакан и выпиваю сразу половину. Чувствую, как обжигающий лед воды немного проясняет разум. Заставляет подобраться. Подумать.

– Мне бы позвонить, – говорю я и смотрю в коридор. Туда, где осталась моя сумка.

Настя тут же подрывается и в припрыжку идет за ней. Столько в ней энергии и счастья. Столько естественной красоты и искренности. Я ведь и про Илия так подумала. Ошиблась?

Достаю из сумки гаджет и набираю единственный номер в контактах.

Жду. Гудки. Один. Леля, возьми ты трубку. Второй. Третий. Поднимаю взгляд и тело прошибает озноб. Не могу поверить... Как я могла оставить сестру одну?

Поворачиваюсь к кухне, уже хочу ворваться туда и наорать на Илия. Спросить, как он мог так запросто меня вы-

дать.

А, впрочем, он мог просто использовать меня ради денег. Или мстить за то, что его использовала я. В тот раз, чтобы побыстрее кончил и не мучил меня странными спазмами в животе.

– Чего тебе? – вдруг слышу в трубке наигранный мужской тон. – Я вообще-то мылась.

Мылась она. А телефон взять сложно?

– Я просто перестраховаться, – выдыхаю с облегчением.

– Лучше подстрахуйся презервативом, когда тебя твой ковбой будет раскладывать.

Да уж. Ну и словечки. А все ее «Тодес», в который она записалась и теперь тусуется с ровесниками.

– Я скоро приеду.

– Да ты не торопись. Твой жеребец...

Отключаю телефон и становится тошно от самой себя.

Как же легко я повелась на мускусный аромат и мускулы. На настойчивость и напор. На огонь во взгляде, что сжигал меня дотла.

А он даже виду не подал, что узнал меня. Скотина. Секса ему захотелось. Лучше вместо пальца свинец в задницу.

Выглядываю из кухни, и вижу, как он хохочет о чем-то с темным, преступного вида мужчиной, на коленях которого расположилась, кажется, совсем юная блондинка.

– Это Макар с Васей, – шепчет мне на ухо Настя, и я поворачиваю к ней голову, а потом возвращаю взгляд на ком-

панию.

Она еще говорит имена, краткие истории, а я не могу оторвать взгляд от сверкающей улыбки Илия. Сердце стучится птицей в клетке, а дыхание перехватывает. А все этот его фирменный оскал с ровным рядом зубов и искорками в глазах. Как же легко ошибиться.

Возможно, Илий специально выслеживал меня по навету мужа и готовит ловушку, а я никогда не знавшая мужской страсти легко угодила в ее сети.

Бежать.

Надо определенно бежать. Сбивая в кровь ноги. Срывая дыхание. Брать в охапку сестру и искать новый город. Придумать, как бежать из страны. Потому что, если нашел один, остальные скоро тоже окажутся тут.

– Настя, вы меня извините, если я прямо сейчас уеду?

Она округляет рот, глаза, смотрит в сторону Илия. Мучается сомнениями. Женская солидарность побеждает. Мне во благо.

– Если водить умеете, возьмите мою машину.

– Права всегда с собой, – киваю я и удивляюсь, как легко человек может довериться другому. Так разве бывает?

– Почему? – только и спрашиваю, когда Настя передает мне ключи и кивает на дверь гаража.

– Вы пришли с братом, – пожимает она плечами. – Он в людях не ошибается. И если привел в наш, так сказать... клан. То вам можно верить.

Это было столь приятно и грело душу, что я тут же порывисто ее обняла. Снова оглядела несколько плит, духовку, идеально чистую раковину. И даже постеснялась своей неряшливости и неумения готовить.

– Спасибо, Насть. И за ужин. Давно не ела домашней еды. Вы потрясающая.

Она горделиво улыбается, отдает мне карточку, в которой вписан ее номер, и быстро подталкивает в сторону гаража.

И тут же слышу за дверью подтверждение всем своим мыслям. Он узнал меня.

– Где Анжелика?

– Поднялась в туалет. Да стой ты. Ей, наверное, плохо. Уже беременна? – игриво спрашивает Настя. Отвлекает внимание.

– Пока нет, – удивляюсь его ответу и, не мешкая, иду к машинам.

«Пока нет» – это же надо. Наглец. И что это должно значить?

Уже усаживаюсь в нужную машину, завожу двигатель, чтобы выехать за автоматически открывающиеся ворота.

Вот и все. Еще немного и я буду свободна. Опять останусь один на один с этим миром. А за спиной сестра.

Уеду. Сегодня же ночью. Никто снова меня не найдет.

Так я и думаю, пока на пути, уперев руки в капот, не вышпашется Илий. Злой, как все черти ада. Руки увиты выступающими венами. Столько силы в огромном теле, что страх

не ядом, а скорее приятным шампанским растекается по венам. И я знаю, что, если прямо сейчас надавлю на газ, он не даст машине даже двинуться с места. Не даст мне уйти.

Глава 10.

Он кулаком стучит по капоту и одними губами четко произносит:

«Выходи».

Словно загипнотизированная, заглушаю двигатель. Смотрю на него такого огромного за лобовым стеклом и плыву. Растекаюсь от той ауры, что он излучает. Даже на расстоянии.

Мне надо ехать, надо бежать, а я жду. Впервые за всю жизнь мне приятно исполнять мужское требование. Наверное, я подсознательно знаю, что Илий не сделает мне больно.

Он скользит ладонью по машине, так нежно и медленно, словно по коже любовнице.

По спине тут же возникает топот мурашек. Облизываю пересохшие губы и стараюсь не смотреть, как он обходит машину, приближается к двери. Крадет. Настоящий хищник, готовый сожрать свою жертву. Только, кажется, жертва очень хочет быть съеденной.

Дыхание, и без того учащенное, начинает напоминать работу вентиля в шахте. Шуметь штормом в море.

Глаза слезятся от выброса магмы в теле. И я окончательно теряю ощущение реальности, когда дверь открывается. В душный от жары салон врывается легкий ветерок вместе с

ошеломляюще приятным запахом Илия. Чисто мужским с примесью одеколona и домашнего пива. Он садится на корточки, пока я с силой сдавливаю руль.

– Ты реально думала, что моя сестра меня предаст?

Глупо, да. Верить никому нельзя. Наверное, страх настолько поглотил мой разум, что соображала я с трудом.

– Женская солидарность... – бросаю я на него взгляд и тут же тону в глубине его глаз. Она засасывает, заставляет желать остаться в этой трясине навсегда.

– Скорее, любопытство, как далеко я зайду.

Хочу спросить, о чем он, и вдруг вижу протянутую ладонь.

– Ключи давай.

Вытаскиваю ключи из замка и уже опускаю на крупную ладонь, как вдруг Илий весь напрягается. Мышцы на руках твердеют, а кожа на лице натягивается, становится жесткой.

Он словно коршун, учуявший добычу. Поднимается, всматриваясь вдаль.

Ровно через секунду нас ослепляет свет неоновых фар, оглушает рев мотора.

В открытые ворота въезжает огромный монстр. Даже больше чем у Илия.

– Еб твою мать, принесла нелегкая, – выругивается он. Отбирает ключи. Переваливается через меня, пристегивает и заводит двигатель.

– Илий? – смущенно спрашиваю я, когда он целует меня

в висок и уже готовится закрыть двери.

– Навигатор включи и домой. Я скоро буду.

Как по команде газую, прокручивая задние колеса по графью, создавая небольшое облако пыли. И, наконец, понимаю причину такой паники Илия.

Из монстра вылезает... Тамерлан Багров. Человек из охраны отца. Его когда-то личный киллер. Появление его медвежьей туши где бы то ни было, вызывало панику. И я не была исключением. Руки задрожали, сердце ухнуло вниз.

Да, теперь он работает на себя, владеет охранным агентством. Но я уверена, что именно ему Беляев поручил меня найти. Связи у него по всему миру.

Неужели Илий это планировал? Тогда почему столь спешно отправляет меня домой? Почему не сдает?

Отворачиваюсь от сцены мужского приветствия и набираю обороты. Несусь по темной трассе, особо никого не обгоняя, но не плетусь в хвосте. И вдруг понимаю, что села за руль впервые за полгода. Впервые с той самой ночи, когда у меня появилась возможность сбежать. А угнанный автомобиль оставить на пустыре и сесть в проезжавший мимо автобус. Автомобили – моя маленькая слабость. И не важно какие, главное, чтобы двигатель работал исправно.

Меня всю жизнь контролировали, решали, что одевать, как жить и под кого ложиться. Наверное, поэтому мне так нравится чувствовать контроль за рулем. Здесь нет границ. Только я, ветер и дорога. Открываю все окна, впуская в са-

лон пронизывающий ночной воздух и почти задыхаюсь от восторга. Врубаю радио на полную и почти кричу песню Светланы Лободы "Пора домой". И даже мысль, что дома, как такого, у меня нет, не расстраивает.

Улыбаюсь в тридцать два, и не сводя взгляда с лобового стекла, смеюсь в голос.

Как же хорошо снова почувствовать под собой пару сотен лошадиных сил.

Моя тайная фантазия – это участие в гонках. Но раз такой возможности не представилось, приходилось отрываться в видео игры.

Добравшись до подъезда, тут же поднимаюсь на свой этаж и открываю двери. Прохожу сквозь темень, немного дрожа и смотрю в какой сегодня комнате улеглась Леля. В гостиной. Под очередной фэнтези— сериал.

Выключаю телевизор и укрываю худое тело покрывалом. Хочу выключить еще и смартфон. Опять поди со своим танцором переписывается. Блокировка не стоит. И я невольно всматриваюсь в буквы.

«Это самый нормальный клуб. Там мы можем никого не стесняться».

Хмурюсь, бросая взгляд на сестру, и читаю дальше.

«Я только за. Но если ты приставать не будешь».

«Странный ты. Меня от тебя штырит. Это взаимно, но ты меня опрокидываешь. Девственник?».

Штырит от «Олега»?

«Нас там никто не тронет». Слова парня по имени «Паша» приводят меня в смятение, но я не хочу вмешиваться в личную жизнь сестры. Тем более, что скоро нам придется переезжать.

Поговорю с Илием и поеду.

Если он готов меня поддержать, то должен будет понять. Остаться на одном месте дольше пары недель опасно. А если Тамерлан является другом семьи Илия, то и подавно.

Иду в душ и там меня настигает поток сознания. Про Илия и его утверждение, что я не фригидна.

С улыбкой выключаю воду, думая, что, если бы не постоянные оглядки и страх, я бы с удовольствием узнала, какого это быть покоренной столь горячим представителем сильных мира сего. Какого это быть по настоящему желанной для мужчины? Я бы играла с ним, просила доказать, что не фригидна снова и снова. Снова и снова, пока сил бы не осталось даже сказать: «Спасибо».

Захожу в спальню, с печальной миной. На сушку волос сил нет, так что придется завтра ходить как лахудра.

Стягиваю полотенце, надеваю легкие шортики и свободную майку на лямках.

Присаживаюсь на кровать и чувствую, как кожа на спине чешется, словно от пристального взгляда.

Что за...

Резко разворачиваюсь и вскрикнуть не успеваю, как меня тянут на спину и закрывают рот поцелуем.

Глава 11.

Страх колючей проволокой давит на горло. Я хочу крикнуть, но в мой рот тут же вторгается язык, шарит, заставляет задыхаться.

Я поднимаю руки, изгибаюсь как кошка перед купанием, жажду цапнуть неприятеля.

А он сверху, уже уселся тяжелой тушей, придавливая меня к матрасу, царапая нежную кожу молнией на джинсах. Вцепляется руками-кандалами в запястья, стягивает пальцами одной руки и закидывает за голову.

Жмурюсь, не хочу смотреть в лицо насильника, не хочу видеть того, кто в пару мгновений отберет желание быть свободной и жить.

В груди растет ком обиды и слез.

Неужели я буду осквернена? Лучше бы переспала с Илием. Я уже готова завывать от досады, когда вор отпускает мои губы, и вдруг шепот на ухо, заставляет меня застыть.

– Что, дикая кошка уже не хочет быть изнасилованной?

Илий!

– Илий, твою мать! – шиплю змеей и вырываюсь сильнее.

– Почему ты сразу не сказал, что это ты! Я со страху даже не узнала!

– А я думал, это у нас игра такая, – хрипит он мне в шею и губами обжигает кожу.

Невозможный!

Могла бы сразу понять, кто это...

Его руки собирают маечку на груди и тянут, выгибают тело в пояснице.

Я ахаю, когда ткань натягивается до предела, а ляжки впи-
ваются в кожу.

– Игра? – задыхаюсь и вскрикиваю, когда ткань трещит по швам.

– Да, я насилую, ты сопротивляешься. В прошлый раз у нас неплохо вышло.

– Ты сволочь, ты мне солгал!

– Ниразу, – смотрит он в глаза, убирает остатки шелка. – Ты не спрашивала же, узнал ли я тебя.

– Как ты забрался в квартиру?! Я же закрыла дверь, – перевожу разговор, хочу его немного отвлечь, потому что от его тела жар. Он как дровяная печка, и языки пламени уже ласкают кожу, готовые меня просто сжечь заживо. Как ведьму-развратницу. Грешницу, что спит не с мужем.

Потому что мысли мои далеки от праведных.

– Если бы я не умел вскрывать двери, меня бы выгнали со спецназа.

– Ты ее выбил? – восклицаю, вспоминая как именно действуют офицеры различных подразделений в фильмах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.